ВЕСТНИК

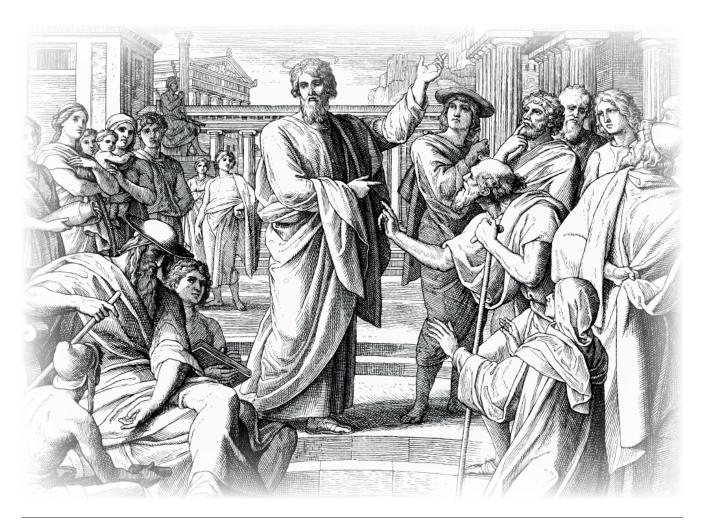
центра апологетических ИССЛЕДОВАНИЙ

Подвизаться за веру, однажды преданную святым. (Иуды 3)

Возвращение в Афины

Дональд Карсон

В этом выпуске:

- Афины и апологетика (с. 12)
- Есть ли у животных нравственность? (с. 15)
- Вопрос-ответ (с. 20)

не хочется думать, что большинство из нас уже убедилось в приоритетности того, что можно в целом назвать мировоззренческим благовестием. В недавнем прошлом — по крайней мере в Северной Америке и Европе — суть благовестия заключалась в довольно агрессивном изложении одной небольшой части библейского сюжета. У большинства нехристиан, до которых мы донесли Евангелие, было с нами достаточно общего в плане языка и видения мира, чтобы мы не сочли нужным развернуть перед ними фабулу Библии во всей ее полноте.

Всего четверть века назад, если мы встречались с атеистом, это был не просто атеист, а «христианский» атеист, — иными словами, Бог, в которого он не верил, был в той или иной мере именно тем Богом, в которого верят иудеи и христиане. Этот атеист отвергал не столько существование индуистских богов, сколько конкретно Бога Библии. Но это означало, что категории по-прежнему оставались нашими. Разговор по-прежнему шел на нашем поле.

Когда я был ребенком, стоило мне произнести: «Во плоти Сам Бог явился», — и 80% детей в моей школе могли бы откликнуться: «Образ взяв раба, смирился». Так было потому, что христианские рождественские гимны, такие как «Вести ангельской внемли», пели дома, в церкви, в школе и на улице. Возможно, дети не понимали всех слов, но они все-таки находились в сфере влияния христианства. Молодые студенты в университетах, без сомнения, впитывали огромные дозы натурализма, однако на большинстве кафедр английского языка по-прежнему считали, что невозможно понять и оценить обширное наследие англоязычной поэзии, не имея представления о языке, метафорах, темах и категориях Библии.

Соответственно, в те времена благовестие опиралось на допущение, что большинство неверующих — будь то атеистов, или агностиков, или деистов, или теистов — все-таки знают, что Библия начинается с Бога, что этот Бог личностен и трансцендентен, что Он сотворил вселенную и сотворил ее хорошо, и что грехопадение принесло в мир грех и навлекло на людей проклятие. Практически каждый знал, что Библия включает в себя два Завета. История развивается по прямой. Есть разница между добром и злом, правильным и неправильным, истиной и заблуждением, фактом и вымыслом. Люди знали о том, что христиане верят в небеса, которых нужно достичь, и в ад, которого нужно бояться. Рождество связано с рождением Иисуса; Страстная Пятница и Пасха — с Его смертью и воскресением. Это были аксиомы.

И потому, благовествуя, мы напирали на серьезность греха, на свободу благодати, на то, кто такой Иисус на самом деле, на истинный смысл Его смерти, на необходимость покаяния и веры. В этом и заключалось благовестие. Конечно, мы немного смещали акценты в зависимости от того, с какими людьми разговаривали; благовествуя в разных субкультурах например, в штатах «Библейского пояса», или в университете Лиги плюща, или в итальянскокатолическом пригороде Нью-Йорка, — мы делали упор на разные моменты. Но для большинства из нас суть благовестия заключалась в том, чтобы ясно выразить и четко донести до собеседника очень небольшую часть библейского сюжета.

Конечно, во многих семинариях, таких как Богословская школа Троицы, мы понимали, что миссионерам, которых готовят к проповеди Евангелия в совершенно разных культурах, нужно нечто большее. Миссионеру, направлявшемуся в Японию, или в Таиланд, или в Северную Индию, приходилось не только учить один-два новых языка, но также знакомиться с новой культурой. Что не менее важно, им приходилось начинать благовестие с рассказа о более простых вещах, потому что многие их слушатели не знали совсем ничего и твердо держались тех или иных мировоззрений, фундаментально расходившихся с Библией. Лучшие учебные заведения давали такую подготовку будущим миссионерам. Однако пасторов и молодежных служителей редко учили чему-либо в таком же духе. В конце концов, от них не ожидалось ничего, кроме благовестия людям, разделявшим их культурные предпосылки, или, по крайней мере, мыслившим в той же плоскости, что и они, не так ли?

Конечно, мы были наивны. Четверть столетия назад, когда мы пели вместе с Бобом Диланом: «Времена меняются», — мы были правы. Да, в Америке еще оставались места, где можно было заниматься благовестием среди симпатизирующих церкви людей, сохранивших существенные элементы иудеохристианского мировоззрения. Такие уголки в США можно найти и сегодня — Средний Запад к северу от 50-й параллели, некоторые части «Библейского пояса». Но если речь идет о Новой Англии, о Тихоокеанском Северо-Западе, об университетах практически любой части США, о таких слоях населения, как журналисты, и о многих частях Западного мира в целом, невозможно переоценить степень библейской неграмотности людей. Неделю назад один мой студент рассказал, что шел по улице в Чикаго со своей девушкой, у которой на

шее на цепочке висел деревянный крестик. Какой-то парень остановил ее и спросил, зачем она носит на шее плюс. Университетские студенты, которым мы благовествуем, обычно не знают, что в Библии есть два Завета. Как говорит Филип Дженсен, им приходится объяснять смысл больших цифр и маленьких цифр. Они никогда не слышали об Аврааме, Давиде, Соломоне, Павле — не говоря уже об Аггее или Захарии. Возможно, они что-то слышали о Моисее, но ровно столько, чтобы путать его с актером Чарльтоном Хестоном.

Однако и этот анализ тоже поверхностен. Меня заботит не столько то, что эти люди ничего не знают о Библии (хотя это правда), сколько то, что они, утратив связь с иудео-христианским наследием, которое в том или ином виде (иногда существенно усеченном) много столетий питало Западный мир, не становятся чистыми листами, только и ждущими того, чтобы мы начали на них писать. Они — не чистые жесткие диски, только и ждущие, когда мы загрузим на них свои христианские файлы. Напротив, у них неминуемо сформировался целый спектр альтернативных мировоззрений. Они — жесткие диски, заполненные множеством других файлов, которые в совокупности формируют различные нехристианские мировоззрения.

Потенциальные последствия этих перемен для благовестия колоссальны. Я назову четыре из них.

Во-первых, у людей, которым мы хотим благовествовать, есть определенные фундаментальные представления, от которых им придется отказаться, чтобы стать христианами. Если продолжить начатую компьютерную аналогию, у них есть целый ряд файлов, которые необходимо стереть или отредактировать, поскольку в своем нынешнем виде они вызовут неизбежный и сильный конфликт с христианскими файлами. Конечно, на каком-то уровне эта опасность всегда существует. Вот почему Евангелие требует покаяния и веры. Более того, оно требует возрождающей и преобразующей работы Духа Божьего. Но чем меньше остается общих черт между мировоззрениями «благовествующего» и «благовествуемого», между опирающимся на Библию христианином и библейски неграмотным постмодернистом, тем более травматичным будет переход, тем более радикальными будут перемены, тем больше ранее приобретенных знаний придется выкинуть из памяти.

Во-вторых, в этих условиях благовестие придется начинать издалека. Благая

весть о Христе — о том, Кто Он, и что совершил Своей смертью, воскресением и вознесением, — попросту невразумительна, если некоторые элементы паззла еще не встали на место. Невозможно разобраться в том, кто такой Иисус на самом деле, если не знать о личном и трансцендентном Боге Библии; о природе человека, сотворенного по образу Божьему; об абсолютной мерзости непокорности Ему; о проклятии, которое навлекла на нас непокорность; о духовных, личных, семейных и общественных последствиях нашего преступления; о природе спасения; о святости, гневе и любви Бога. Понять сюжет Библии без этих основных ингредиентов не получится; нельзя понять библейский образ Иисуса, пока эти кирпичики не встанут на место. Мы никогда не придем к согласию относительно решения, которое предлагает Иисус, если не сможем прийти к согласию относительно проблемы, которую Он хочет решить. Вот почему наше благовестие должно быть «мировоззренческим». Чуть ниже я поясню, что это значит.

В-третьих, я категорически не считаю, что мировоззренческое благовестие сводится исключительно к изложению фактов. Безусловно, оно должно включать в себя полноценное изложение фактов — Библия не только сообщает нам множество фактов, но и в некоторых случаях настаивает, что неверие в определенные факты будет стоить человеку спасения. В этом можно легко убедиться, внимательно прочитав Евангелие от Иоанна. При всем множестве взаимодополняющих углов зрения, в нем снова и снова повторяются такие фразы, как «если не уверуете, что...» На самом деле, нам незачем разрываться между фактами и основанными на вере взаимоотношениями, так же как незачем выбирать между левым и правым крылом самолета. Мировоззренческое благовестие в основе своей так же всеобъемлюще, как и Библия. Мы призваны не только к исповеданию определенных фактов, но и к верности Иисусу Христу, воплощенной Истине; к обращению от мертвых дел для служения живому Богу; к жизни, преображенной Святым Духом, дарованным нам как предвкушение будущей жизни; к новой общине, которая живет, любит и действует в радостном и принципиальном послушании Слову Царя, нашего Творца и Искупителя. Это обширное мировоззрение затрагивает все и охватывает все. Его можно изложить просто, потому что у него есть центр; о нем можно говорить и его можно претворять в жизнь бесконечно, потому что его размах не связан никакими границами.

В-четвертых, благовестник должен найти путь к ценностям и сердцам тех, кому благовествует, через их принципы — попросту говоря, мировоззрение, — но не должен допустить, чтобы библейская весть была ассимилирована этим нехристианским мировоззрением. Благовестник должен перекинуть мостик к исходным посылкам собеседника, иначе никакого диалога не получится; евангелист останется в культурной изоляции. Последовательное же мировоззренческое благовестие в этих условиях рано или поздно приведет к тому, что благовестник попытается изменить или разрушить некоторые чуждые представления и предложить взамен совершенно иную систему мышления и поведения, невообразимо более славную, упорядоченную, последовательную и, наконец, истинную.

Апостол Павел, конечно же, все это хорошо понимал. В частности, своим собственным примером он показывает нам разницу между благовестием людям, которые в значительной мере разделяют ваше библейское мировоззрение, и благовестием людям, библейски неграмотным. В Деяниях 13:16-41 мы находим евангелизационную проповедь Павла, произнесенную в синагоге Антиохии Писидийской. Поскольку все происходит в синагоге, мы можем быть уверены, что слушатели апостола это евреи, обратившиеся в иудаизм язычники и боящиеся Бога, т. е. в любом случае люди, хорошо знавшие Библию (ту ее часть, которую мы сегодня назвали бы Ветхим Заветом). В этом контексте Павел избирательно цитирует ветхозаветную историю в доказательство того, что Иисус из Назарета — обещанный Мессия. Он цитирует библейские отрывки, рассудительно их комментирует и утверждает, что Иисус исполнил библейские пророчества о Святом из рода Давидова, который не увидит тления. От воскресения Иисуса Павел вновь возвращается к смерти Иисуса и ее значению — в конечном итоге, к прощению грехов и оправданию перед Богом (стт. 38-39). Павел завершает свою проповедь библейским текстом, который обещает страшный суд за скептицизм и неверие. Таким образом, здесь мы находим апостольский вариант благовестия среди околоцерковных, библейски грамотных людей, которые на какомто уровне знакомы с Библией.

Однако в Деяниях 17:16-34 мы видим, как апостол Павел благовествует образованным афинянам, которые совершенно ничего не знают о Библии. В этом случае в его подходе есть примечательные особенности, и мы, пытаясь благовествовать новому поколению библейских невежд, многому можем у Павла научиться.

В ожидании их в Афинах Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов. Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися. Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?», а другие: «кажется, он проповедует о чужих божествах», потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение. И, взяв его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое? Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что — нибудь новое. И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и все. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род». Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого. Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых. Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. Итак Павел вышел из среды их. Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними.

Все дальнейшие свои мысли я объединил в четыре темы: реалии, с которыми имеет дело Павел; приоритеты, из которых он исходит; парадигма, которую он предлагает; и непреложное Евангелие, которое он проповедует.

(1) Реалии, с которыми имеет дело Павел

Если не считать очевидного библейского невежества — афинские мыслители никогда не слышали о Моисее, ни разу не открывали Библию, — у этой культуры есть три поразительных особености.

Во-первых, для Римской империи был характерен не просто широкий плюрализм религиозного опыта, но религиозный плюрализм, пользующийся поддержкой государства. Римляне понимали, что мятеж порабощенных народов будет более вероятен, если в их сознании религия, земля и народ будут неразрывно связаны. Отчасти из стремления разорвать эти тройные узы, римляне настаивали на том, чтобы включать в собственный пантеон некоторых богов любого вновь завоеванного народа, и столь же непреклонно настаивали на том, чтобы вновь завоеванные народы приняли каких-то римских богов. Таким образом, в любой потенциальной гражданской войне было бы непонятно, чью сторону занимают боги, и эта политика обмена богами способствовала укреплению мира в империи. Кроме того, это означало, что плюрализм был не только характерен для Римской империи, но и опирался на силу закона. Как-никак осквернение святилища — любого — каралось смертью. Но никакое святилище и никакой бог не смели бросать вызов Риму.

Во-вторых, как и нам, Павлу приходилось иметь дело не с людьми, у которых по причине библейской неграмотности отсутствовало какое-либо мировоззрение, но с людьми, которые громогласно отстаивали всевозможные влиятельные и несовместимые друг с другом мировоззрения.

Два таких мировоззрения упомянуты в нашем тексте: эпикурейцы и стоики (ст. 18). В первом столетии философия еще не обросла такими эзотерическими и абстрактными ассоциациями, как сегодня, когда она стала уделом небольших кафедр в больших университетах. Под философией понимали представления о жизни в целом, основанные на жесткой и самодостаточной системе мышления, — близко к тому, что мы сегодня называем мировоззрением. Идеалом эпикурейской философии, эпикурейского мировоззрения, была

безмятежная жизнь — жизнь в покое, не омрачаемом ненужным вмешательством в дела человеческие.

Сами боги состоят из атомов столь крохотных, что они живут в покое в пространствах между мирами. Поскольку боги изящно отстранились от жизненной суеты, человеческим существам следует стремиться к тому же идеалу. Однако Павел, как мы увидим, противопоставляет этой картине мира образ Бога, активно участвующего в судьбах мира в качестве его Творца, благосклонного Правителя, Судьи и Спасителя, открывающего Себя людям.

Стоическая философия представляла бога всепроницающим (в более или менее пантеистическом смысле), так что в идеале человек в жизни должен был придерживаться того, что наиболее реально, поступать в согласии с этим богом, или принципом логики, который должен превалировать над эмоциями и страстями. Для стоицизма, как некто удачно подметил, «были характерны большая искренность в вопросах морали и сильное чувство долга». В противовес этому мировоззрению, Бог, о Котором рассказывает Павел, не имеет ничего общего с пантеизмом, Он личностен, отличен от творения и является нашим высшим Судьей. Вместо того, чтобы сосредоточиться на «всеобщей логике, к которой подключается человеческий разум», Павел противопоставляет суверенную волю Бога человеческой несамостоятельности и нужде.

Попросту говоря, имеет место сильнейший мировоззренческий конфликт.

Конечно, у греков и римлян существовали и другие мировоззрения. В нашем тексте не упоминаются ни софисты, ни такие безбожные философы-материалисты, как Лукреций. Но совершенно очевидно, что Павел благовествует людям, так или иначе глубоко преданным какому-то мировоззрению, которое в основе своей чуждо христианству.

В-третьих, не менее поразителен тот издевательски-снисходительный тон, ко-торым философы обсуждают Павла в 18-м стихе: «Что хочет сказать этот суеслов?» — этот «крохобор», словно воробей подбирающий разрозненные крохи беспорядочной информации, этот второсортный мыслитель? Другие говорили: «Похоже, он рассказывает о каких-то чужестранных богах». Однако третьи, как оказалось, проявили искренний интерес к Евангелию. Но когда сторонники чуждого христианству мировоззрения, пребывая в бездумном большинстве, чувствуют себя в безопасности, оттенок снисходительности в их словах различается безошибочно.

Таковы реалии, с которыми имеет дело Павел.

(2) Приоритеты, из которых Павел исходит

Самая непосредственная и примечательная реакция апостола Павла на все увиденное в Афинах представляет собой интуитивный библейский анализ: он был сильно возмущен видом города, полного идолов (ст. 16). Возможно, Павел был под впечатлением от репутации Афин как Оксфорда или Кембриджа древнего мира (хотя университетов как таковых в то время еще не существовало). Возможно, он восхищался архитектурой, разглядывая Парфенон. Однако Павел не устрашился Афин и не поддался их обаянию; он видит идолопоклонство. Как нам нужны в университетах и на влиятельных позициях в обществе христиане, которых не запугать и не впечатлить репутацией и достижениями, если за ними стоит почитание кумиров!

И тогда апостол приступает к благовестию. Он адресует свои слова двум разным группам людей. Как обычно, он считает приоритетной проповедь евреям и боящимся Бога язычникам, воцерковленным, библейски грамотным людям; он рассуждает с ними в синагоге (ст. 17). Такая расстановка приоритетов имеет под собой библейское основание, которое мы не можем здесь рассмотреть, но в любом случае мы не должны забывать о необходимости благовестия таким людям. Во-вторых, Павел проповедует Евангелие обыкновенным язычникам, не имеющим никакого знакомства с Библией: он каждый день благовествует на рыночной площади, обращаясь ко всем, кто там находится, и большинство случайных слушателей, скорее всего, были библейски неграмотны (ст. 17). Он не ждет, пока его позовут в ареопаг. Он просто начинает благовествовать и в результате получает приглашение в ареопаг (ст. 18).

Итак, вот его приоритеты: анализ культуры в свете существования Бога и настойчивое благовестие как библейски грамотным, так и библейски неграмотным людям.

Возможно, следует добавить, что между ситуацией Павла и нашей теперешней ситуацией есть по крайней мере одно большое различие. Когда Павел благовествует библейски неграмотным людям, он имеет дело с людьми, предки которых не соприкасались тем или иным образом с библейской религией на протяжении нескольких последних столетий. И потому, когда они негативно воспринимают слова апостола, это происходит по одной-единственной при-

чине: с их точки зрения, его система координат совершенно отличается от их собственной. Они отвергают его вовсе не потому, что пытаются отмежеваться от наследия предков. Для нас же это становится дополнительной проблемой. Время от времени мы сталкиваемся с людьми, которые не только усвоили мировоззрение, по целому ряду моментов глубоко противоречащее христианству, но и сознательно избрали его как антитезу библейскому мировоззрению. С одной стороны, это открывает нам определенные возможности, но с другой создает определенные препятствия. Тем не менее, у нас нет возможности здесь проанализировать эти возможности и препятствия. Достаточно отметить приоритеты, которые устанавливает для себя Павел.

(3) Парадигма, которую Павел предлагает

Здесь полезно проследить за ходом мысли Павла в стихах с 22-го по 31-й. Но прежде я хотел бы поделиться с вами несколькими общими наблюдениями.

Во-первых, чтение этого текста проповеди Павла занимает минуты две. Однако выступления в ареопаге не отличались краткостью. Иными словами, нам нельзя забывать, что это сокращенная версия гораздо более длинной речи. Вне всякого сомнения, каждое предложение, а иногда даже каждое придаточное предложение отражает смысл целого утверждения, которое Павел подробно развил.

Во-вторых, если вам интересно, как именно Павел развил каждое свое утверждение, выяснить это не так трудно, как кажется. Ведь между этим конспектом проповеди и, например, Посланием к римлянам есть много общего. Ниже я предложу вашему вниманию одну-две таких параллели.

В-третьих, следует обратить внимание на слова и выражения, которыми пользуется Павел. Библеисты неоднократно отмечали, что многие выражения, присутствующие в проповеди Павла, представляют собой именно тот язык, который можно было услышать в кругах стоиков. Однако в каждом случае Павел использует их таким образом, чтобы в его контексте они передавали именно тот смысл, который апостол в них вкладывает. Иными словами, он говорит на языке, понятном и приемлемом для слушателей, но на уровне предложений и абзацев Павел в своей проповеди доносит именно ту мысль, которую хочет донести: он закладывает основание библейского мировоззрения.

А теперь давайте изучим парадигму, предложенную Павлом.

Во-первых, он утверждает, что Бог сотворил мир и все в нем сущее (ст. 24). Мы не знаем точно, насколько глубоко он развил эту мысль, однако из других его сочинений мы знаем, как именно он мыслил. Творение свидетельствует о том, что Бог отличен от сотворенного Им мира; тем самым пантеизм исключается. Оно также свидетельствует об ответственности человека перед Богом; мы всем обязаны своему Творцу, и пренебрегать Им, помещая самих себя в центр мироздания, — это корень всякого зла. Хуже того, почитать тварь и поклоняться ей вместо Творца — это суть идолопоклонства.

Во-вторых, Павел настаивает на том, что Бог есть Господь неба и земли, и что Он не живет в рукотворных храмах (ст. 24). Суверенный Бог, властвующий над всей вселенной — полная противоположность богам и богиням, властвующим над той или иной сферой (например, Нептун — над морем), и племенным богам, которых волнует благополучие лишь какого-то одного региона или народа. Библейский Бог обладает суверенной властью над всем сущим. Это учение лежит в основе идеи Божьего провидения. По причине всемирного характера Божьего владычества Его нельзя ограничить никакими рамками — даже стенами храма (ст. 24). Павел не отрицает историческую значимость Иерусалимского храма — и тем более не отрицает, что Бог являл Себя там уникальным образом. Скорее, он отрицает, что Бог ограничен стенами храма, что связь с Ним можно установить посредством какоголибо храмового обряда (и это, конечно, угрожает распространенным языческим обычаям). Бог гораздо больше всего этого.

В-третьих, Бог независим и самодостаточен: Он не требует служения человеческих рук, как если бы имел в чем-то нужду (17:25). Он настолько самодостаточен, что не нуждается в нас; Он не только самосущ (термин, с помощью которого мы описываем бытие Бога, — все остальное в своем существовании зависит от Бога, и только Сам Бог самосущ), но и совершенно независим от Своего творения ни Его благополучие, ни Его удовлетворение, ни Его существование ни от кого и ни от чего не зависят. В этом отношении христианство полностью отличается от политеистических религий, в которых люди и боги взаимодействуют самыми разными способами, обусловленными ограниченностью и потребностями этих богов. Если бы библейский Бог, по необъяснимой причуде, захотел гамбургер из Макдональдса, Он не пришел бы за этим к нам — скот на тысяче холмов уже принадлежит Ему.

В-четвертых, на самом деле все как раз наоборот: мы полностью зависим от Бога — Он Сам дает всему и жизнь, и дыхание, и все. Это ставит крест на нашей хваленой независимости; это человеческая составляющая учений о творении и провидении.

В-пятых, от основного богословия Павел переходит к антропологии. Он настаивает на том, что все народы произошли от одного человека (ст. 26). Это противоречит ряду древних представлений о происхождении человека, согласно которым разные этнические группы имеют разное происхождение. Павел же проповедует всеобщее Евангелие, основанное на всеобщей проблеме (см. Рим. 5; 1 Кор. 15). Если грех и смерть вошли в человеческую расу одним человеком — так, что для исправления ситуации необходимо сознательное вмешательство другого человека, — то Павлу важно изложить правильную антропологию, чтобы и сотериология была правильна. Мы не придем к единому мнению по поводу решения проблемы, если не придем к единому мнению по поводу ее содержания. Но этим следствия, вытекающие из позиции, Павла не исчерпываются; здесь нет ни намека на расизм. Более того, как бы часто Павел ни утверждал, что у Бога были особые заветные отношения с Израилем, будучи монотеистом, апостол убежден, что Бог обладает суверенной властью над всеми народами. Может быть, он развил некоторые идеи, высказанные в книге Исаии, начиная с 40-й главы? Если есть только один Бог, этот Бог в каком-то смысле должен быть Богом всех, вне зависимости от того, все ли признают Его существование и величие.

В-шестых, мы в первый раз видим явное упоминание о том, что в этой вселенной, сотворенной Богом, что-то не так. Цель Его благого владычества над всеми людьми заключалась в том, чтобы некоторые взыскали и нашли Его (ст. 27). Чуть ниже Павел будет говорить о грехе гораздо подробнее (хотя само это слово не произнесет). Здесь он готовит почву. Из его слов вытекает, что человечество в целом не знает своего божественного Творца. Что-то пошло наперекосяк.

В-седьмых, хотя Павел считает важным подчеркнуть трансцендентность Бога, он не хочет, чтобы эта мысль ушла в крайность, которую впоследствии назовут «деизмом». Бог, о котором говорит апостол, недалек от каждого из нас (ст. 27). Он имманентен. Павел исключает любые подозрения, что Бог безразличен к людям; Он ни-

когда не бывает от нас далек. Более того, апостол признает, что эта истина отчасти известна и некоторым языческим религиям. Когда греческие мыслители (или большая их часть) говорили о «Боге», а не о множестве богов, очень часто они вкладывали в это слово более или менее пантеистический смысл. Такой ход мысли Павел ранее уже отверг. И все-таки некоторые аспекты греческой философии были не так плохи, если их поставить в более здравый контекст. Мы живем, и движемся, и существуем этим Богом, и мы — Его род (17:28). Для Павла эти слова не несут никакого пантеистического смысла, но являются отражением личностной и непосредственной заботы Бога о нашем благополучии.

В-восьмых, смысл этого богословия и этой антропологии — прояснить, что такое грех, и сделать идолопоклонство совершенно предосудительным (ст. 29). Вне всякого сомнения, Павел изложил эту мысль гораздо шире в духе, скажем, 44-45 глав книги Исаии и 1-й главы Послания к римлянам. Ибо он не может с полным основанием рассказать об Иисусе и Его роли как Спасителя, пока не определит суть проблемы; он не может ясно изложить благую весть, пока не разъяснит дурную весть, от которой спасает нас благая.

В-девятых, Павел также знакомит слушателей с концепцией, которую можно назвать философией истории — или лучше, наверное, определенным представлением о времени. Многие греки в древнем мире полагали, что время бесконечно ходит по кругу. Павел предлагает линейную концепцию: сотворение в конкретный момент; длительный период, представляющий собой прошлое по отношению к настоящему Павла, в который Бог действовал определенным образом (в прошлом Бог прощал такое невежество); настоящее, чреватое масштабными переменами; будущее (ст. 31), которое представляет собой окончательное завершение нынешнего мироздания, время последнего суда. Масштабные перемены драматичного настоящего Павла связаны с пришествием Иисуса и откровением Евангелия. Павел подготовил почву для рассказа об Иисусе.

Итак, вот концептуальная схема, которую рисует Павел. По существу, он выстроил библейское мировоззрение. Но сделал он это не просто удовольствия ради. В этом контексте он стремился предложить концептуальную схему, в рамках которой уместны не только смерть и воскресение Иисуса, но и сама Его личность.

Такова парадигма, которую предлагает Павел.

(4) Непреложное Евангелие, которое Павел проповедует

Перечитаем 31-й стих:

...[Бог] назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых.

Здесь, наконец, речь заходит об Иисусе.

Я хочу подчеркнуть два момента. Вопервых, крайне важно увидеть, что Павел выстроил концептуальную схему библейского метанарратива прежде, чем загово**рил об Иисусе.** Если метафизика — это некая «глобальная физика», которая объясняет все остальные направления физики, то метанарратив, аналогичным образом, — это глобальная история, объясняющая все остальные истории. Вообще говоря, постмодернисты любят истории — в особенности двусмысленные и нагруженные символами нарративы, — но терпеть не могут метанарратив, глобальную историю, которая придает связность всем маленьким историям. Без этой глобальной истории рассказы об Иисусе не имеют никакого смысла и Павел это знает.

Например, если в абстрактном постмодернистском контексте Новой Эры мы произнесем нечто вроде «Бог любит тебя», эта короткая фраза вызовет совершенно иные ассоциации, нежели может показаться нам, христианам. Мы уже исходим из того, что люди виновны, и что самое ясное и глубокое выражение Божьей любви — это крест, на котором Сын Божий решил проблему нашего греха ценой Собственной жизни. Однако если люди ничего не знают об этой фабуле, те же самые слова («Бог любит тебя») можно истолковать как отражение точки зрения, воплощенной Джоди Фостер в ее недавнем фильме «Контакт»: инопланетяне милосердны, мудры, добры и заинтересованы в нашем благополучии. Такое толкование не имеет ничего общего с нравственной ответственностью, грехом, виной и тем, как Бог принимает меры, чтобы снять с нас грех смертью Своего Сына. Одно толкование соответствует парадигме библейского христианства; другое удобно укладывается в рамки оптимистического мировоззрения Новой Эры. Одним словом, без глобальной истории, без метанарратива, маленькая история или маленькое выражение становится либо бессмысленным, либо приводит к неправильным выводам. Павел это понимает.

Во-вторых, поразительно то, что Павел без колебаний говорит о воскресении Иисуса из мертвых. И именно это обстоятельство оскорбляет слушателей настолько, что Павла прерывают, и его выступление перед ареопагом на этом заканчивается. Павел, конечно, прекрасно знал, что большинство греков исповедовало ту или иную разновидность дуализма: материя — зло или, во всяком случае, относительное зло; дух — добро. Мысль о том, что кто-то восстает из мертвых в телесном виде, не воспринималась как что-то желанное или даже вероятное. Телесное воскресение из мертвых противоречило разуму; это был оксюморон такой же, как «стремительная черепаха» или «кипящий лед». Некоторые слушатели Павла сочли, что с них довольно, начали откровенно насмехаться над апостолом, и на этом встреча закончилась (ст. 32). Если бы Павел заговорил о бессмертии Иисуса, о Его вечном духовном существовании, и не сказал ни слова о теле, это не оскорбило бы ничей слух. Но Павел не стал отступать от правды. В другом случае он писал, что, если Христос не воскрес из мертвых, то апостолы — лжецы, а мы все еще мертвы по нашим преступлениям и грехам (1 Кор. 15). В Афинах он твердо стоит на том же самом. Павел не редактирует Евангелие, чтобы приспособить его к мировоззрению слушателей.

Следовательно, в представлении Павла в Евангелии есть не поддающееся упрощению и непреложное содержание — содержание, от которого нельзя отказаться, каким бы неприемлемым оно ни выглядело с точки зрения другого мировоззрения. Таким образом, прилагая все силы к тому, чтобы мудро найти общий язык с тем или иным мировоззрением, отличным от нашего, мы должны с особенным вниманием относиться к непреложному содержанию Евангелия — в противном случае, пытаясь донести свою мысль мудро и убедительно, мы невольно принесем в жертву именно то, что хотим донести.

Но неожиданно мы слышим возмущенный шепот критика: разве Павел не допустил здесь фундаментальную ошибку? В других случаях в книге Деяний он проповедует с гораздо большим успехом, когда не опускается до обсуждения всех этих мировоззренческих моментов. Он просто проповедует Иисуса, Его крест и воскресение, а люди обращаются к Богу. Здесь же уверовали совсем немногие (ст. 34). Кстати, следующим греческим городом после Афин, куда пришел Павел, был Коринф. Впоследствии, оглядываясь на эти события, Павел пишет коринфянам и напоминает им: «…я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа,

и притом распятого...» (1 Кор. 2:2), — наверняка с кислой миной вспоминая неудачное выступление в Афинах. Так давайте будем откровенны, настаивают критики, признаем, что Павел в Афинах совершил большую ошибку, и перестанем считать 17-ю главу Деяний примером для подражания — разве что примером того, как не следует поступать. Мужик сделал глупость — сослался на натурбогословие; попытался выстроить историю искупления; попытался сформулировать мировоззрение, тогда как ему нужно было заниматься своим делом и проповедовать Иисуса и крест.

Иногда мне хочется, чтобы такое прочтение было верным, однако по ряду причин оно глубоко ошибочно.

- (1) Это неественное прочтение книги Деяний. Лука, работая над своей книгой, не вставляет в эту часть повествования никаких тревожных сигналов, которые предупредили бы нас, что Павел допускает непростительную ошибку. Такое ложное толкование всецело основано на своеобразном (и ошибочном, как мы убедимся) прочтении 1-го Послания к коринфянам и последующем наложении сделанных выводов на 17-ю главу Деяний.
- (2) Мысли Павла, которые Лука сохранил в своей записи речи перед ареопагом, вполне согласуются с богословием самого Павла в том числе с богословием первых глав Послания к римлянам.
- (3) Строго говоря, Лука не пишет, что уверовали «немногие». Он употребляет выражение tines andres («некоторые мужи») в сочетании со словом heteroi («другие»). Это соответствует другим описаниям. Едва ли речь шла о большом количестве людей собравшихся в ареопаге по-любому не могло быть очень много.
- (4) Очевидно, что Павла прервали, когда он заговорил о воскресении Иисуса (стт. 31-32). Однако на основании всего, что мы о нем знаем как из его посланий, в том числе Послания к римлянам, так и из его описаний в Деяниях, понятно, о чем он стал бы говорить дальше.
- (5) Это полностью согласуется с тем фактом, что Павел и прежде «благовествовал» библейски неграмотным язычникам на рыночной площади (ст. 18).
- (6) К этому моменту Павел уже не был новичком. Он отнюдь не был недавним выпускником семинарии, все еще пытающимся определиться с подходом к служению, по любой хронологии у него за плечами было два десятилетия волнующего и трудного служения. Кроме того, Павел не в первый раз оказался

среди библейски неграмотных язычников или среди интеллектуалов.

(7) Так или иначе, во 2-й главе 1-го Послания к коринфянам решение Павла проповедовать Христа распятого никак не связывается с тем, что произошло с ним в **Афинах.** Он не пишет: «Вследствие серьезных ошибок, которые я совершил в Афинах, придя в Коринф, я рассудил быть незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». Скорее, в 1-м Коринфянам решение Павла проповедовать распятого Христа связывается с характерной чертой коринфских христиан а именно, с некоей разновидностью гордыни, основанной на мнимой мудрости, к которой Павел испытывает отвращение. Эта мудрость исполнена гордыни, пустословия и показухи. На этом фоне Павел избирает совершенно иной путь. Зная, что верующим должно хвалиться одним только Господом и следовать совсем иной мудрости (1 Кор. 1), он решает проповедовать Христа и притом распятого.

(8) Так или иначе, было бы ошибкой считать, что Павел не проявлял никакого ин*тереса к мировоззрениям.* Уже после того, как Павел написал 2-ю главу 1-го Коринфянам, он говорит: «...мы ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу» (2 Кор. 10:45). Из контекста следует, что Павел стремится не столько привести в порядок мир личных мыслей человека (хотя в других отрывках он, конечно, придает этому значение), сколько привести к послушанию Христу любой образ мысли, любое мировоззрение, которое оказывает сопротивление его возлюбленному Господу. Иными словами Павел мыслил «мировоззренчески». Это очевидно из многих его сочинений; это видно и в 10-й главе 2-го Коринфянам, и в 17-й главе Деяний.

(9) Наконец, иногда толкователи неправильно понимают первую строчку стиха Деяния 17:34: «Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали». Многие понимали слова Луки так, что несколько человек прямо на том же месте стали христианами и спутниками Павла. Однако на самом деле все как раз наоборот. Павел еще толком не проповедовал Евангелие — в каком смысле они могли бы стать христианами? Лучше воспринять сказанное буквально: по окончании проповеди Павла там же, на месте, христианином не стал никто. Но некоторые последовали за Павлом. Со временем они услышали Евангелие и уверовали; они стали христианами. Это полностью соответствует опыту многих проповедников, подвизающихся в университетской среде.

Пару лет назад я благовествовал на большом собрании в Оксфорде. Насколько мне известно, никто из присутствующих тогда не стал христианином. Но шестнадцать студентов записались на шестинедельный курс изучения Библии «Знакомство с христианством». Несколько недель спустя местный викарий Воэн Робертс написал мне и рассказал, что одиннадцать из этих шестнадцати уже явно стали христианами, и что он молится за оставшихся пятерых. Иными словами, в результате той встречи некоторые стали «последователями Иисуса» и со временем уверовали. Именно так часто происходит, если частью нашей стратегии благовестия является формирование мировоззрения, концептуальной схемы, чтобы слушатели безошибочно поняли, кто такой Иисус, и в чем смысл Евангелия.

Одним словом, с каким бы вниманием Павел ни относился к нуждам и представлениям людей, которым он благовествовал, и с какой бы гибкостью он ни формулировал Евангелие, чтобы до них достучаться, мы должны понимать, что он видел в Евангелии определенное необходимое содержание. Это содержание непреложно, даже если оно явно оскорбляет слух наших собеседников. Если они претыкаются, нам нужно спросить себя, почему это происходит: из-за сути самой благой вести или потому, что мы все еще не сумели выстроить концептуальную схему, в рамках которой только Евангелие и имеет смысл. Однако поступаться Евангелием мы не должны никогда.

Несколько мыслей в заключение

В заключение я бы хотел поделиться тремя соображениями. Во-первых, проблема мировоззренческого благовестия заключается не в том, чтобы сложно рассказывать о простом, а в том, чтобы понятно объяснить другим довольно сложные вещи, которые **мы принимаем как должное.** Их можно разъяснить за пятнадцать минут с помощью презентации, разработанной Филлипом Дженсеном и Тони Пэйном. Их можно разъяснить с помощью семи последовательных проповедей, основанных на разборе первых восьми глав Послания к римлянам. Их можно разъяснить за шесть месяцев библейского обучения, начав с книги Бытия — многие сотрудники организации New Tribes Mission теперь поступают именно так, прежде чем перейти к разговору об Иисусе. Но сделать это необходимо.

Во-вторых, проблема мировоззренческого благовестия заключается, главным образом, не в том, чтобы мыслить философскими категориями, а в том, чтобы ясно донести донести до людей: завет с Иисусом содержателен (он связан с реальным историческим Иисусом, относительно Которого нужно принять верой и исповедать словами определенные вещи) и всеобъемлющ (он затрагивает поведение, отношения, ценности и приоритеты человека). Его невозможно свести до уровня одного из многих вариантов религии, путь даже предпочтительного, имеющего своей целью помочь мне стать довольным собой.

В-третьих, проблема мировоззренческого благовестия заключается не в том, как вернуться к дискуссии с библейски неграмотными людьми, представления которых могут быть очень далеки от наших собственных. Скорее, мировоззренческое благовестие сосредоточено на том, к чему эта дискуссия ведет. Есть множество способов вступить в дискуссию. Главный вопрос заключается в том, обладает ли христианин-благовестник ясным и относительно простым и незамудренным пониманием библейской фабулы, того, каким образом она должна сформировать мировоззрение, и того, каким образом чудесная весть Евангелия наполняет силой эту подлинную историю, — и способен ли он рассказать об этом так, чтобы люди могли увидеть

актуальность, силу, истинность этой истории и ее способность изменить их жизнь.

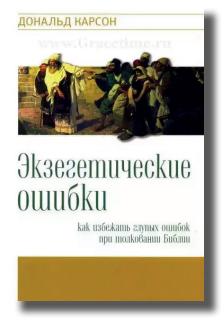
Текст этой стати представляет собой доклад, прочитанный автором на конференции «Благовестие в культуре постмодерна», которая прошла 13-15 мая 1998 года в Trinity Evangelical Divinity School (Дирфилд, штат Иллинойс). Все материалы этой конференции были изданы в виде сборника Telling The Truth: Evangelizing Postmoderns (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2000). Оригинал статьи опубликован на сайте www.monergism.com.

Дональд А. Карсон — доктор философии в университете Кембриджа, профессор по исследованию Нового Завета в Trinity Evangelical Divinity School в Дирфилде, Иллинойс. Автор

и соавтор более 45 книг. Служил в качестве пастора, часто проводит семинары и лекции в церковных и академических учреждениях по всему миру.

Карсон, Дональд. **Экзегетические ошибки. Как из- бежать глупых ошибок при изучении Библии.** Минск: Евангелие и Реформация, 2016.

«Подавляющее большинство примеров взято из исследований по Новому Завету не только потому, что я специализируюсь в этой области, но в большей мере потому, что многие примеры отобраны из многолетней практики преподавания Нового Завета и

попыток научить студентов ответственному подходу к экзегезе.

И хотя изучение исследований Ветхого Завета убеждает меня в том, что в этой области не меньше аналогичных примеров, чтобы сохранить книгу в разумных пределах, я решил ограничиться Новым Заветом. Некоторые читатели и слушатели иногда упрекают меня в том, что я предвзято отношусь к экзегезе, сделанной с определенных богословских позиций.

Я постарался прислушаться к этим замечаниям и внес необходимые изменения. Однако примечательно то, что этот упрек в равной мере звучал как от кальвинистов, так и от арминиан, как от баптистов, так и от тех, кто верит в крещение детей.

Этот факт означает, что я достаточно бесстрастно подходил к подбору примеров ошибочной экзегезы. Я подчеркиваю, что я никогда не задумывал эту книгу в качестве неявной апологетики своих богословских убеждений, хотя в результате иногда получалось именно так.

Если кто-то из читателей будет сильно задет тем, как безжалостно я опровергаю привычное для них толкование, то я призываю задуматься о том, не заставляет ли вас какое-либо предубеждение придерживаться традиционной точки зрения».

АФИНЫ И АПОЛОГЕТИКА

Дуглас Грутайс

ак ни прискорбно, христианское свидетельство в наши дни зачастую парализуется нерешительностью и интеллектуальной некомпетентностью. Слишком часто, оказавшись в плюралистической среде — будь то в университете или где-либо еще, — христиане не могут донести свои глубочайшие убеждения до неверующих в мудрой, рассудительной и грамотной манере. Как следствие, нехристиане обычно полагают, что в основе христианских убеждений нет ничего рационального.

Я столкнулся с подобным отношением во время одного публичного диспута, в ходе которого отвечал на доводы, приведенные в антихристианском фильме *The God Who Wasn't There* («Бог, которого не было»). Представители аудитории — по большей части, враждебной и атеистической — один за другим высказывались в том смысле, что моя христианская вера ни на чем не основана. В ответ я предлагал разумные доводы в пользу христианства и опровергал аргументы критиков. Поскольку я не ссылался на «шаги веры», стереотип не думающего христианина в их глазах был поколеблен.

Тем вечером я оказался в ситуации, очень напоминавшей ту, с которой апостол Павел столкнулся в Афинах, когда выступал перед интеллектуальной элитой этого знаменитого центра знания и культуры. К слову сказать, именно пример выступления апостола перед афинянами вдохновил меня обратиться к светской аудитории и научил меня, как вести себя под давлением.

Присмотревшись к тому, как Павел излагал христианское учение этой древней аудитории неверующих, современные христиане могут открыть для себя принципы, которые позволят им донести христианское мировоззрение до современного рынка идей.

Мудрые змии и простые голуби

Павел был неутомимым миссионером. Полагаясь на Святого Духа (Деян. 1:8), он нахо-

дил отзывчивых слушателей и (обычно) создавал из них церковь; потом он сталкивался с гонениями, и ему приходилось бежать, чтобы не попасть в тюрьму (впрочем, в тюрьме он тоже писал послания и благовествовал всем, кого видел). Афинская речь Павла — самое подробное описание того, как христианство бросает вызов языческим мыслителям, какое только можно найти в книге Деяний. Павел произнес эту речь сразу после того, как бежал из г. Верии, спасаясь от преследования фессалоникийцев и оставив там своих спутников (Деян. 17:13-15).

При жизни Павла Афины уже не были на пике своей интеллектуальной, культурной или военной мощи, однако все еще оставались значимым культурным центром. Атмосфера в Афинах напоминала атмосферу современного университетского города. Тем не менее, наследие Афин не произвело на апостола никакого впечатления — напротив, он испытывал отвращение к афинскому идолопоклонству. Он «возмутился духом», потому что город был полон идолов (Деян. 17:16).

При всем своем интеллектуальном багаже жители Афин не почитали единого истинного Бога, а погрязли в идолопоклонстве. Ложные религии и нерелигиозность, бесчестящие Бога и делающие людей пленниками духовной тьмы, должны точно так же возмущать и тревожить нас. Уважая свободу вероисповедания, мы не должны при этом мириться с глубокими богословскими заблуждениями (см. Гал. 1:6-11).

Но вместо того, чтобы обрушиться на афинян с громоподобными осуждениями, Павел был мудр, словно змий, и прост, словно голубь (Мф. 10:16), как заповедал Его Учитель. По своему обыкновению он стал ежедневно рассуждать с иудеями в синагоге и с богобоязненными язычниками.

Книга Деяний рассказывает, что Павел со всеми беседовал о христианстве. Он не просто проповедовал; он объяснял и отвечал на вопросы (см. Деян. 19:8-10). Иными словами, он был апологетом — тем, кто защищает истинность,

разумность и применимость христианства (см. 1 Пет. 3:15-16; Иуды 3).

Павел был готов проповедовать не только иудеям и боящимся Бога язычникам. Среди афинян были «эпикурейские и стоические философы», которые «стали спорить» с Павлом (Деян. 17:18). Они обвинили апостола в том, что он «суеслов» (говорит с чужих слов) и «проповедует о чужих божествах», но все-таки пригласили его выступить в Ареопаге (стихи 18-19). Это была влиятельная группа мыслителей, почитавших себя хранителями новых идей.

От творения к Творцу

Павел нашел с философами общий язык, назвав их «особенно набожными» по причине множества их «святынь» (стихи 22-23). Павел знал, что это идолопоклонство, но воспользовался нейтральными выражениями, чтобы построить между собой и слушателями мост, а не стену. Нам стоит последовать его примеру, разговаривая с ближними о христианстве. Хотя свидетельства неверия людей — такие как эзотерические символы, оккультизм в кино и на телевидении, многочисленные нехристианские места поклонения, словно грибы, растущие повсюду, — должны нас огорчать, нам все-таки следует попытаться найти точки соприкосновения с другими мировоззрениями и воспользоваться ими.

Далее Павел рассказывает, что нашел алтарь, посвященный «неведомому Богу» (стих 23). Но теперь он возвещает афинянам то, что они считали неведомым. Его проповедь (стихи 24-31) представляет собой шедевр христианской убедительности, всю красоту которого невозможно охватить в одной короткой статье¹. Будучи знаком с представлениями философов, перед которыми он стоял, Павел начинает с рудиментов христианского мировоззрения. Он начинает не с вести об Иисусе, но с библейского учения о сотворении мира — с идеи чуждой как стоикам, так и эпикурейцам (а равно и всей греческой философии).

Павел утверждает, что личностный и трансцендентный Бог сотворил всю вселенную, продолжение существования которой всецело зависит от Него. Он Сам дает «всему жизнь и дыхание и все» (стихи 24-25; см. также Евреям 1:3). Это создает резкое противоречие между христианством и обоими философскими лагерями. Стоики верили в безличную «мировую душу» — нечто вроде нынешнего «Принципа» из философии Новой Эры или «Силы» из фильмов про звездные войны, — тогда как эпику-

рейцы верили в существование нескольких богов, которым нет дела до человечества.

Этот Творец, провозглашает Павел, принимает непосредственное участие в делах человечества. Он сотворил всех людей от одного человека и создал условия, в которых они живут. Бог — не только Творец вселенной в целом, Он принимает участие в частностях жизни. Он сделал это для того, чтобы люди «искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас» (стих 27).

Взглядам афинских философов Павел противопоставляет личностного, трансцендентного, имманентного и способного на взаимоотношения Бога. Он рассказывает обо всем этом до того, как сказать хоть слово о Христе. В этом смысле Павел также должен быть для нас образцом апологетики. Если мы не заложим основание христианского мировоззрения (монотеизма), люди, вероятнее всего, совместят Иисуса с неправильным мировоззрением и сочтут его всего лишь гуру, свами или пророком, а не Господом, Богом и Спасителем (Кол. 2:9; Фил. 3:20).

Поиск общего языка

Указав на противоречие между «Господом неба и земли» (17:24) и ошибочными представлениями афинян, Павел снова находит точку соприкосновения с их мировоззрением, цитируя греческих поэтов: «Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: "мы Его и род"» (стихи 28).

Хотя основополагающее мировоззрение греков было неверным, у них было некоторое представление о божественном и некоторая надежда на него. Отчасти они были правы, но в значительной мере заблуждались. Принимая

во внимание общее откровение Бога в виде творения и совести (Рим. 1-2), христианским свидетелям всегда следует искать разрозненные частицы истины, сохранившиеся в искаженных мировоззрениях. Для этого нам, как и Павлу, нужно знать свою культуру и ее историю. Это требует внимательного изучения и молитвенного анализа.

Далее Павел говорит, что, поскольку мы — «род Божий», нам не следует думать, будто божественное Существо подобно какому-либо из созданных человеком образов. Как пишет Адам Кларк:

Если мы — род Божий, Он не может быть похож на те золотые, серебряные и каменные образы, которые создаются искусством и умением человека, ибо родитель должен быть похож на своих потомков. И поскольку мы — живые и разумные существа, Он, от Которого мы ведем свое существование, тоже должен быть живым и разумным. Также необходимо, чтобы объект религиозного поклонения был намного превосходнее поклоняющегося; однако человек... намного превосходит образ, созданный из золота, серебра или камня. Но было бы нечестием поклоняться человеку; насколько же большее нечестие поклоняться этим образам, словно богам!2

Логика рассуждений Павла убедительна. Более того, он строит свои рассуждения на основании представлений самих афинян о Боге и человечестве. Павел демонстрирует выдающееся мастерство апологета.

Защита веры

Наконец, Павел говорит, что в прошлом Бог закрывал глаза на невежество людей, но теперь Он «повелевает людям всем повсюду покаяться», потому что Он «назначил день, в который будет праведно судить вселенную посредством предопределенного Им Мужа». Бог доказал эту истину, воскресив Иисуса из мертвых (стихи 30-31). Этот отрывок из книги Деяний передает нам лишь краткую суть речи Павла: в том контексте он наверняка говорил гораздо дольше, чем можно было записать на бумаге. И мы можем быть уверены, что Павел полностью объяснил слушателям значение жизни, смерти и воскресения Иисуса (см. краткое изложение Евангелия в 1 Кор. 15:1-8).

Обращаясь к афинянам, Павел не довольствуется философской лекцией, сравнивающей библейское мировоззрение с греческим.

Он призывает своих слушателей откликнуться на весть о Христе личным и конкретным образом. Аналогичным образом, сегодня апологеты должны быть начеку и ждать момента, когда нужно будет предложить людям покаяться и принять распятого и воскресшего Иисуса Христа как своего Господа.

Автор (Лука) завершает этот замечательный рассказ описание разных реакций слушателей: некоторые насмехались над Павлом, другие хотели узнать больше, а третьи, «пристав к нему, уверовали» (стихи 32-34). Добиться такого отклика от мирских философов — большой успех. Своим успехом Павел был обязан действию Святого Духа, даровавшего ему смелость и мудрость (см. Деян. 1:8), и сегодняшним апологетам также следует полагаться на Него.

Однако, в отличие от Павла, слишком многие христиане сегодня страдают апологетической агорафобией: страхом озвучить свое христианское мировоззрение на открытых интеллектуальных площадках окружающей культуры. Между тем, Сам Иисус призывает нас идти в мир, чтобы проповедовать Евангелие (Мф. 28:18-20; Лк. 24:46-49; Деян. 1:8).

Принимая Павла за образец для подражания, нам следует возмущаться неверием, распространенным среди людей. Поэтому мы должны с любовью и обаянием выйти на рынок идей в качестве апологетов, отстаивающих христианское мировоззрение. Для этого нам нужно найти общий язык с нашими слушателями, указать на отличие христианского мировоззрения от чуждых философий и призвать неверующих должным образом откликнуться на истину об Иисусе Христе.

Сноски

- 1. Cm. Carson D. A. Athens Revisited // Telling the Truth (Zondervan, 2000), pp. 384-398.
- 2. Clarke, Adam. *Commentary on the Holy Bible: One-Volume Edition* (Baker Book House, 1967), p. 1006.

Оригинал статьи опубликован на сайте www.bethinking.org.

Дуглас Грутайс — профессор философии Денверской семинарии, член Общества христианских философов и Евангелического философского

общества, автор целого ряда книг и статей, посвященных вопросам христианской апологетики и философии.

ЕСТЬ ЛИ У ЖИВОТНЫХ НРАВСТВЕННОСТЬ?

евин Харрис: Д-р Крейг, мы с Вами записали много передач на тему морального аргумента в пользу существования Бога. Интерес к некоторым вопросам не исссякает, и время от времени в популярных периодических изданиях появляются статьи об изучении поведения животных, о том, что животные совершают нравственные поступки, демонстрируют нравственное поведение. Очевидно, что в рамках дарвинистской парадигмы именно отсюда берет свое начало человеческая мораль.

Телеканал Си-Эн-Эн взял интервью у автора новой книги — The Bonobo and the Atheist: In Search of Humanism Among the Primates («Обезьяны бонобо и атеист: в поисках человечности среди приматов»). Франс де Вааль, профессор Университета Эмори, директор центра «Живые связи» в Национальном центре исследования приматов им. Йеркеса, расположенного в г. Лоренсвилл, штат Джорджия, изучает поведение наших ближайших родственниковприматов, которое позволяет предположить, что они обладают нравственным чутьем. Недавно журналисты Си-Эн-Эн побеседовали с де Ваалем о его монографии¹. Он сказал:

Такое название для книги я выбрал потому, что, когда речь заходит об истоках нравственности, разговор вращается вокруг Бога или отталкивается от религии. Я же хотел поговорить о том, что, по моему мнению, нравственность древнее религии. Поэтому я задался вопросом о религии, о том, насколько важна религия для нравственности. Думаю, она играет определенную роль, но эта роль вторична. Религия не была источником нравственности — она появилась позже и, возможно, укрепила нравственность.

Давайте обсудим этот абзац.

Д-р Крэйг: Думаю, совершенно очевидно, что, когда д-р де Вааль употребляет слова «нравственность» и «источник», он использует их в

совершенно ином смысле, нежели я, когда говорю о нравственном аргументе в пользу существования Бога. Говоря о нравственности, я имею в виду объективные нравственные ценности и обязанности, независимые от человеческого общества. Я не употребляю слово «источник» применительно к нравственности, но говорю об основании нравственных ценностей и обязанностей. На чем они основаны в действительности? Почему эти объективные нравственные ценности и обязанности существуют?

Д-р Франс де Вааль

Однако д-ра де Вааля этот вопрос не волнует вовсе. Употребляя слово «нравственность», он всего лишь имеет в виду, что ожидает увидеть у приматов определенные черты поведения, свойственные homo sapiens, и что эти черты у них действительно присутствуют. Говоря об источнике нравственности, он имеет в виду историческое происхождение нравственности, а не ее онтологическое основание, и это, на мой взгляд, вполне очевидно в последнем абзаце интервью, где он говорит: «Спустя годы мы будем верить не в то, во что верим сегодня, поэтому нравственность меняется вместе с обществом». Думаю, вполне очевидно, что де Вааль имеет в виду не объективные нравственные ценности и обязанности, независимые от общества и человеческих мнений. Он говорит о нравах, психологических убеждениях и чертах поведения, которые проявляет общество. И он прав: такие особенности поведения и взгляды меняются вместе с обществом.

В таком понимании рассуждения де Вааля, по существу, не имеют никакого отношения ни к нравственному аргументу в пользу существования Бога, ни к Богу как основе нравственности, ни к этике божественных заповедей — ни к чему подобному, поскольку он рассуждает на совершенно другую тему. Он говорит об исторических истоках определенных черт поведения, свойственных homo sapiens. У теиста может и не быть возражений. Возможно, теист с радостью признает, что нравственные ценности, в которые мы верим, обусловлены родительским воспитанием, обществом и нашим эволюционным происхождением. Утверждать, будто это опровергает существование объективных нравственных ценностей и обязанностей, значило бы допускать логическую ошибку. Это было бы классическим примером порочной логики. Для слушателей, незнакомых с формальной логикой, поясню: ошибочно полагать, будто можно показать несостоятельность какой-либо точки зрения, сославшись на обстоятельства ее возникновения. Это очевидно не так. Допустим, я считаю, что любить других людей — хорошо, потому что узнал об этом в детстве из комикса. Значит ли это, что я ошибаюсь? Конечно, нет. Истинность или ложность убеждения не зависит от того, как оно возникло.

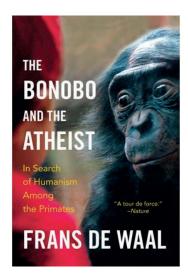
Итак, как я уже говорил, д-р де Вааль поднимает очень интересные вопросы относительно происхождения этих черт поведения, но теист хочет знать, ограничивается ли этим нравственность. Ограничиваются ли нравственные ценности и обязанности конкретными особенностями поведения, свойственными homo sapiens и возникшими в ходе эволюции? Мой ответ: если Бога нет, то ответ — да, нравственность сводится к одному лишь этому. К этому набору поведенческих черт, которые до некоторой степени роднят нас с высшими приматами. Поэтому, с точки зрения натурализма, никаких объективных нравственных ценностей и обязанностей не существует. Остается понять, почему эти поведенческие особенности дурны или хороши, как если бы они были объективными нравственными ценностями и обязанностями, и я думаю, что объяснить это натурализму не под силу.

Кевин Харрис: Де Вааль явно хочет сказать, что все это имеет прямое отношение к Богу, и Си-Эн-Эн еще раз задает ему этот вопрос. Он отвечает: «Возможно, религия кодифицировала нравственность и укрепила ее, но не ей нравственность обязана своим происхождением».

Д-р Крэйг: Правильно — как видите, он снова говорит о социологическом, историческом аспекте. Он спрашивает, являются ли причиной этих черт поведения, которые мы демонстрируем, религии, которые исповедовал первобытный человек. По его мнению, нет. Он полагает, что в историческом, хронологическом плане сначала, вероятно, появились эти поведенческие особенности, а конкретные религиозные системы и верования возникли впоследствии. Истоки всего этого затерялись в доисторической эпохе, однако да Вааль, вероятно, сошлется на то, что высшие приматы, будучи животными, не демонстрируют религиозное поведение, и я думаю, что он прав. У них нет представлений о Боге или о трансцендентном. Они не демонстрируют поклонение. Так что у приматов отсутствует религиозное поведение, однако они способны пожертвовать собой ради блага группы. Нечто вроде «почеши мне спину, а я почешу твою». Де Вааль скажет, что с исторической точки зрения эти черты поведения более примитивны и древни по сравнению с осознанными религиозными убеждениями, и я не вижу причин с этим спорить. Я не думаю, что это имеет какое-то значение, потому что, повторюсь, считать, будто это каким-то образом обесценивает либо нравственность, либо религиозные убеждения, значит совершать логическую ошибку.

Кевин Харрис: Часто нас, христиан, обвиняют в том, что мы черпаем свои представления о нравственности из Библии, и это уже более сложный вопрос. Как Вы относитесь к словам де Вааля о том, что религия, возможно, кодифицировала нравственность?

Д-р Крэйг: Да, я думаю в целом он не согласился бы с нашими обвинителями, но согласился бы с ними в частностях. Далее в статье он говорит, что из эволюционного развития, которое мы наблюдали, невозможно вывести конкретный набор нравственных принципов. В лучшем случае, можно получить самые общие поведенческие черты — такие, как проявление сочувствия к представителям нашего вида, когда мы видим, что другой представитель нашего вида находится в беде, и вступаемся за него. Однако таким путем нельзя прийти к конкретным нравственным принципам наподобие того, что нужно любить ближнего как самого себя, или нужно давать милостыню нуждающимся, или нельзя прелюбодействовать, или нельзя воровать. Такого рода конкретные нравственные предписания и запреты, сказал де Вааль, не могут возникнуть в результате эволюционного развития. Так что в этом смысле он, вероятно, сказал бы: да, они взяты из Библии или из той конкретной религии, которую вы исповедуете, и которая превращает такие общие поведенческие особенности, как сочувствие, сострадание и т. п. в конкретные поведенческие модели, кодифицированные религиями. Опять же, на мой взгляд, этот вопрос имеет исключительно исторический интерес. Философского интереса он не представляет.

Кевин Харрис: Сразу после этого журналист Си-Эн-Эн спросил: «Зачем людям нужна религия?» Да Вааль ответил так:

Это хороший вопрос. Я сам ищу на него ответ. Я сам — неверующий, поэтому я не уверен, нужна ли нам религия на самом деле... Я родом из Нидерландов, где 60% населения — неверующие. Так что в Северной Европе как раз сейчас проводят эксперименты с преимущественно светскими обществами, чтобы посмотреть, можно ли таким образом поддерживать существование нравственного общества. И на данный момент, я бы сказал, эксперимент идет довольно успешно... Лично я думаю, что можно построить нравственное общество на нерелигиозном основании, однако суть пока еще рано.

Д-р Крэйг: И снова мы видим, что его интересует не истинность религии, а только польза, которую она приносит обществу. Необходима ли религия как социальное явление для существования жизнеспособного общества, имеющего нравственную ткань и основу? Вероятно, де Вааль имеет в виду Скандинавию. Очень светские страны, такие как Швеция, про которые можно утверждать, что они способны существовать без религиозных убеждений до тех пор, пока принимают те или иные общие нравственные правила.

Опять-таки, Кевин, вполне очевидно (я надеюсь), что этот момент не имеет никакого отношения к истинности или ложности религиозных убеждений — только к их общественной пользе. И, повторюсь, это ничего не говорит об объективности нравственных ценностей и о том, как они связаны с существованием Бога. Здесь мы рассуждаем исключительно о социологической стороне вопроса, и даже на чисто социологическом уровне, как мне кажется, упомянутые эксперименты выглядят подозрительно — в том смысле, что в истории этих лютеранских стран много веков присутствовало влияние лютеранской религии. В последние десятилетия оно уступило место секуляризму, но общество к тому времени уже было глубоко проникнуто христианскими ценностями.

Более интересен пример Китая, где отсутствует многовековое влияние христианских убеждений. После десятилетий засилья коммунизма и марксизма китайцы отчаянно стремятся найти какую-то идею, которую можно положить в основание общей нравственной ткани современного пост-марксистского китайского общества. Когда пару лет назад мы были на конференции Общества христианских философов, проходившей в Фуданьском университете, и говорили о роли христианства в Китае, нас поразило выступление одного китайского философа, который утверждал, что конфуцианство в Китае мертво и более не может служить основой китайского общества. Философ сказал, что никакая другая религия, кроме христианства, не может дать Китайскому обществу общую нравственную ткань, и настаивал на том, что христианство для Китая — уже не чуждая религия. Он назвал христианство коренной китайской религией и на этом основании отстаивал точку зрения, что китайскому народу необходимо принять христианство, чтобы у китайского общества появилось это общее нравственное основание, и чтобы оно смогло двигаться вперед в пост-марксистскую эпоху. Мы слушали его, разинув рты от удивления. Как люди с Запада, мы никогда не осмелились бы сказать что-либо подобное китайцам, но тут эту идею отстаивал сам китайский ученый. Поэтому не думаю, что профессор Де Вааль убедительно обосновал свой тезис — даже на социологическом уровне, — ссылаясь на пример светских скандинавских социумов, в истории которых издавна присутствовало христианское влияние.

Кевин Харрис: Здесь журналист Си-Эн-Эн задал Де Ваалю вопрос: «Считаете ли Вы людей в целом хорошими?» Профессор ответил:

Да, моя точка зрения такова, что в мире существует две разновидности людей. Есть люди, по мнению которых мы изначально дурны, порочны и эгоистичны, но можем стать хорошими, если будем много и усердно трудиться, и и есть люди, которые, как и я, полагают, что мы изначально хороши. Изучение приматов дало много информации, которую я могу привести в подтверждение того, что мы изначально хороши, но когда мы слишком поддаемся азарту или разочарованию, мы ведем себя плохо.

Каковы христианские представления об изначальной нравственности или порочности?

Д-р Крэйг: Что ж, думаю, с христианской точки зрения мы сказали бы, что природа человека в основе своей хороша. Бог сотворил Адама и Еву невинными и увидел, что это хорошо. Так что грех изначально не был частью человеческой природы. Можно быть человеком, не будучи порочным, и решающее тому доказательство — не только вера в Адама и Еву, но и Иисус из Назарета. Иисус был истинным Человеком. Писание и символы веры утверждают, что Он был не только совершенным Богом, но и совершенным человеком, однако без греха и порока. И это показывает, что грех изначально не присущ человеческой природе, и что однажды на новых небесах и новой земле — мы обретем свободу от греха и всякого зла в себе. Однако теперь, с христианской точки зрения, мы испорчены. Мы пали, и в человеке присутствует грех — поэтому мы нуждаемся в искуплении, прощении и нравственном восстановлении. Так что этот вопрос, по-моему, сложнее, нежели упрощенный выбор между изначально хорошим и изначально плохим.

Опять же, Кевин, нам, конечно, не следует забывать о том, что Де Вааль, употребляя эти термины, использует их не в нравственном смысле. Он говорит всего лишь о поведенческих схемах. Проявляют ли шимпанзе и другие приматы особенности поведения, в целом способствующие их процветанию и выживанию, или же они проявляют особенности поведения, которые дисфункциональны и бесполезны для их выживания? Думаю, он хочет сказать, что приматы в целом неплохо уживаются друг с другом, хотя нередко демонстрируют дурное или невыигрышное для себя поведение. Только и всего. Речь не совсем о нравственности.

Я заметил, что дальше в статье он пишет: «Эмпатию можно использовать в благих целях; думаю, по большей части так и происходит, но

ей не всегда пользуются в благих целях». В каком смысле здесь употреблено слово «благие»? Когда он говорит «в благих целях», похоже, он переходит черту и углубляется в в рассуждения о хорошем и плохом в этом объективном нравственном смысле — что эмпатию не всегда используют в нравственно хороших целях. Так что границы могут оказаться сильно размытыми, когда такие слова, как «добро», «зло», «нравственность» и т. п. употребляются в неоднозначном смысле.

Кевин Харрис: Это возвращает нас к вопросу о животных, Билл. С христианской точки зрения, возможно, Божья благодать проявляется в животном царстве и в отношении животных к человеку. Ведь все мы слышали истории, и Де Вааль рассказывает о том, как дельфины спасали тонущих людей без всякой выгоды для себя. За это их не кормили рыбой и даже ничем не угощали. О том, как собаки часто приходили на помощь людям и т. п. С точки зрения строгого дарвинизма, можно было бы сказать, что именно отсюда все это и появилось, что мы вернулись к источнику. А что если все это часть благого Божьего творения и провидения?

Д-р Крэйг: Безусловно. Думаю, мы согласны с тем, что на животный мир, а равно и на мир человеческий распространяются провидение и планы Бога, и если бы Бог знал, что для того, чтобы получить стадных животных, живущих вместе, нужны определенные схемы поведения, Он мог бы создать мир таким образом, что животные демонстрировали бы такого рода поведение. По словам Де Вааля, дельфин помогает тонущему спастись именно поэтому — не потому, что в этом конкретном случае дельфин что-то получает взамен, но потому, что такого рода целесообразное поведение полезно для выживания дельфинов как вида. Просто в некоторых случаях нам везет, и это поведение оказывается полезным для нас. Даже среди слонов и свиней, среди любых стадных животных, можно наблюдать такое взаимодействие, потому что оно благоприятно для борьбы за выживание. Поэтому здесь мы говорим всего лишь о таком поведении, которое демонстрируют стадные животные. И, как Вы сказали, я не вижу причин полагать, что Бог в провидении Своем не смог бы сотворить животных, которое демонстрировали бы такого рода поведение к собственной выгоде.

Кевин Харрис: Д-р Де Вааль разграничивает эмпатию и симпатию. В ответ на вопрос журналиста Си-Эн-Эн: «Говоря об эмпатии, Вы имеете

в виду, что они чувствуют боль друг друга?», — Де Вааль сказал:

Ощущение чужой радости — это тоже эмпатия. Воздействие, которое на нас, как на человеческих существ, оказывает смех, — это форма эмпатии. Так что эмпатия, по существу, означает, что ты чувствителен к чужим эмоциям и реагируешь на чужие эмоции.

Д-р Крэйг: Если можно, я вставлю два слова. Именно это происходит с людьми, которых называют психопатами. Они не способны на такую эмпатию. Они не сопереживают другим и не реагируют на чужие эмоции. Психопат вообще способен убивать хладнокровно и без малейшей жалости именно потому, что у него отсутствует эта эмпатия к другим людям.

Кевин Харрис: Он говорит,

С симпатией все немного сложнее. Симпатия — это желание что-то сделать. Ты хочешь помочь другому человеку, попавшему в беду. Так что симпатия немного более конкретна, немного больше ориентирована на действие. Эмпатия — это просто чувствительность. Эмпатия — не обязательно хорошо. Если кто-то хочет дорого продать тебе плохую машину, ему нужно вызвать у тебя эмпатию, чтобы ты эту машину купил.

Далее он переходит к животному царству и говорит, что среди приматов женского пола, обезьян и т. п., шимпанзе, несколько самок окружают самку, у которой начались роды, корчатся и повторяют все, что делает она. Такая вот эмпатия. Я видел, как это делают мои собственные собаки. Когда одна из них начинает чесаться, другая говорит: «Ах, какое это удовольствие», — и тоже начинает чесаться. Но, Билл, разве это не слишком смелая экстраполяция — сказать, что именно в этом берет начало человеческая способность к эмпатии, которая со временем превратилась в нравственность, в моральные ценности и обязанности, тогда как на самом деле все это просто природные инстинкты, зуд и эмпатия.

Д-р Крэйг: Только представьте себе, Кевин, что Бога нет... Представьте атеизм. Ничего кроме мира природы не существует. Природный мир — и больше ничего. В таком случае, Де Вааль, похоже, прав — мораль сводится к этим вещам. Думаю, просто в отсутствие Бога очень трудно

увидеть, почему, с точки зрения натурализма, те формы эмпатии и симпатии, которые люди проявляют друг к другу, обладают какой-то нравственной значимостью. Я не понимаю, почему, с точки зрения натурализма, поступки психопата предосудительны. Он просто не обладает той же способностью к эмпатии, что и другие представители его биологического вида, а потому не проявляет такой же склонности к сотрудничеству, но почему, с точки зрения атеизма, поступки психопата нравственно дурны? Не вижу никаких причин так полагать. Таким образом, на мой взгляд, стоит нам избавиться от Бога как от трансцендентной точки отсчета и основания объективных нравственных ценностей и обязанностей, и нравственность превращается просто в одну из моделей поведения человеческих существ, берущую начало, как Вы сказали, в природных инстинктах, зуде и эмпатии. Никакого другого основания нет. Где еще его искать?

Кевин Харрис: Д-р Крэйг, в завершение нашей беседы — еще один вопрос на ту же тему. Верно ли будет сказать, что результаты наблюдений за тем, что происходит в мире животных и в мире людей, носят характер описания, они описывают поведение живых творений, однако они не обязательно предписывают, как следует поступать? Мы можем наблюдать жизнь животных и людей, потом составить ее описание, но нравственность основана на предписаниях. Она предписывает, как нам следует поступать.

Д-р Крейг: Именно так. Или как поступать не следует. У нас есть нравственные обязанности и запреты. Возвращаясь к натурализму, Кевин, откуда нам взять объективные запреты или обязательства относительно того, что нам следует и чего не следует делать? На мой взгляд, как Вы справедливо заметили, у нас будет описание поведения, но в рамках натурализма очень сложно понять, откуда может взяться какое-либо долженствование.

Сноски

1. URL: lightyears.blogs.cnn.com/2013/04/12/science-seat-where-morals-come-from

Оригинальный текст интервью опубликован на caйте www.reasonablefaith.org. Все права сохранены. Переведено и опубликовано с разрешения правообладателя.

ВОПРОС-ОТВЕТ

Как можно верить в истинность христианства, если на столько вопросов нет ответов?

меня, как и у всякого христианина, есть много вопросов, на которые я не знаю ответа. Чем глубже я изучаю христианское мировоззрение, тем длиннее кажется их список. Хотя понять ключевые истины на основании Писания относительно просто, в христианстве есть еще много не столь существенных (и менее однозначных) моментов. Перед лицом непостижимости Божьей мы, как правило, испытываем благоговение и остаемся без адекватных объяснений. Что еще хуже, древние утверждения и исторические подробности, упомянутые в Новом Завете, подчас слишком удалены от нас во времени, чтобы мы могли проверить их справедливость и точность. В результате я зачастую остаюсь с вопросами на руках именно там, где бы я предпочел иметь полную ясность и подкрепленную фактами уверенность. Как же мы можем верить в истинность христианства, если столько вопросов остается без ответа?

После многих лет работы следователем по «глухим» делам, я научился спокойно относиться к вопросам без ответов. По сути, мне ни разу не доводилось расследовать или представлять суду присяжных дело, в котором не оставалось бы каких-нибудь загадок. И как бы мне ни хотелось, чтобы все было иначе, совершенных дел не бывает. В каждом деле есть вопросы без ответов. И когда мы отбираем присяжных для слушаний по уголовному делу, мы нередко спрашиваем, позволит ли им совесть принять решение в отсутствие полной информации. Если кандидаты не могут представить, как можно принять решение, не устранив любые возможные сомнения (и не ответив на любой возможный вопрос), мы прилагаем все силы к тому, чтобы они не были отобраны в коллегию. Совершенных дел не бывает. Не бывает дел, в которых нет никаких вопросов, оставшихся без ответа. Каждому присяжному предлагают принять решение, даже если доказательная база будет неполна. Следователи и прокуроры прилагают все силы к тому, чтобы ничего не упустить и представить присяжным достаточно фактов, чтобы те пришли к наиболее разумному заключению. Но если вы хотите исключить не любые РАЗУМНЫЕ сомнения, а любые ВОЗМОЖНЫЕ сомнения, вам не место среди присяжных. Закон не случайно требует, чтобы доказательства устраняли «разумные» сомнения, — ни в одном деле нет всей полноты улик; ни одна сторона в суде не может устранить любое возможное сомнение.

Христианам, как и присяжным, нужно привыкнуть к тому, что не на все вопросы есть ответы. Такие вопросы есть в любой религии. Еще будучи атеистом я мучительно искал ответы на некоторые важные вопросы в рамках натуралистического мировоззрения: как появилась Вселенная? Почему Вселенная так точно настроена? Как во Вселенной появилась жизнь? Почему биология выглядит как результат разумного замысла? Каким образом из материального мира сформировалось наше нематериальное сознание? Как объяснить свободу воли и объективные нравственные истины? Ответы, которые я, тогда еще сторонник философского натурализма, находил на эти вопросы, были, по существу, субъективным словоблудием. Мое мировоззрение было неполно на самом фундаментальном уровне. У меня было много вопросов, на которые я не знал ответа, однако, несмотря на эти загадки, я держался своих атеистических воззрений. Каждый из нас придерживается мировоззрения, располагая далеко не полной информацией. И у каждого из нас есть вопросы, на которые мы не знаем ответа.

Как теист и христианин я с гораздо большим спокойствием отношусь к своим вопросам, на которые у меня нет ответа, нежели когда я был атеистом. У меня меньше вопросов, и они носят менее фундаментальный характер.

Они относятся, скорее, к несущественным моментам, нежели к ключевым, основополагающим истинам. Факты, которыми я располагаю, ведут меня в определенном направлении, и разрыв между тем, что у меня есть, и тем, что я хотел бы иметь, гораздо меньше, чем прежде. Всем нам приходится в какой-то момент перейти от рассмотрения фактов к решениям. Иногда этот шаг через неразрешенные вопросы называют «шагом веры». Как христианину

мне не приходится шагать вслепую и слишком широко. Да, вопросы у меня по-прежнему есть, но фактов, которыми я располагаю, больше чем достаточно, чтобы принять разумное решение. Я пришел к выводу, что христианство — истина, даже если на какие-то вопросы у меня нет ответов.

— Дж. Уорнер Уоллас

Если на других планетах будет найдена жизнь, станет ли это концом христианства?

дин не в меру ретивый ученый провозгласил открытие Керler-452b — землеподобной необитаемой планеты — «дурной вестью для Бога». 23 июля 1915 года Джефф Швейцер в статье «Земля 2.0: дурная весть для Бога» предсказал, что открытие Керler-452b означает смерть Бога. Он заявил, что обнаружение любой жизни где-либо кроме Земли опровергает религиозную гипотезу о существовании Бога, сотворившего все сущее. Но при ближайшем рассмотрении этот тезис ущербен с логической, научной и богословской точки зрения.

Логическая ущербность

С точки зрения логики, между двумя посылками: (1) за пределами Земли есть жизнь, и (2) Бог существует, — нет противоречия. Возможно и то, и другое. Собственно, если Бог существует, и если Он создал вселенную (Быт. 1:1), вполне разумно, что эти два утверждения совместимы. Более того, утверждение Швейцера, что жизнь во вселенной не может существовать нигде, кроме Земли, потому что об этом не упоминается ни в книге Бытия, ни в Библии в целом, нарушает законы логики. Это логическая ошибка, именуемая argumentum ad ignorantiam (аргумент к невежеству). Доказать что-либо на основании того, чего нет, нельзя. Когда мы обнаружим на других планетах дома, машины и механизмы, тогда и поговорим.

Научная ущербность

Если говорить о науке, то даже агностикастроном Роберт Ястров полагал, что астрономия в целом подтверждает книгу Бытия. Он писал: «Теперь мы видим, каким образом астрономические данные приводят к библейским представлениям о происхождении мира... Цепь событий, ведущих к появлению человека, начинается внезапно и резко в определенный момент времени, во вспышке света и энергии» (God and the Astronomers, 14). Астроном Хью Росс в своей книге «Творец и космос» дополнил это утверждение множеством подробностей.

Богословская ущербность

Швейцер настаивает, что «наличие жизни на другой планете совершенно не совместимо с религиозной традицией». Он заявляет: «...один лишь простой факт существования жизни гдето еще делает религию невозможной». Почему? Потому, что «в Бытии 1:1 мы читаем: "Сотворим человека по образу Нашему..." О других мирах здесь нет ни слова». Ибо «нам также сообщают в недвусмысленных выражениях, что все живое было сотворено за шесть дней». Более того, «когда бог сказал: "Да будет свет", — свет уже ярко сиял как минимум 10 миллиардов лет».

Как бы глубоки ни были познания Швейцера в «морской биологии», в богословии

он разбирается очень слабо. Прежде всего, он неверно цитирует Библию. О сотворении человека по образу Божьему говорится не в Бытии 1:1, как утверждает Швейцер, а в Бытиии 1:26-27. Во-вторых, он ошибочно полагает, что, согласно Библии, свет во вселенной появился в ту же неделю, когда были сотворены люди. На самом деле, Библия говорит, что свет присутствовал изначально (Быт. 1:3), прежде других дней и до сотворения солнца (Быт. 1:16-19). В-третьих, он предполагает (но не доказывает), что все «дни» в книге Бытия длились 24 часа, и что никаких более длинных периодов времени не было. На самом деле, слово «день» (йом) в первых главах Бытия означает не только 24-часовой период. Оно используется для обозначения дня в противоположность ночи (1:3). Оно также используется для обозначения всех шести дней творения: «...в то время [йом], когда Господь Бог создал землю и небо...» (Быт. 2:4). Оно же обозначает период в несколько тысяч лет, когда речь идет о том, что Бог почил от Своих дел в седьмой день (Быт. 2:2), этот период продолжается и по сей день (Евр. 4:9-10). Еще со времен блаж. Августина (IV век) многие христиане полагали, что этапы творения не были ограничены шестью 24-часовыми отрезками. Наконец, Библия нигде не сообщает, как давно существует вселенная; она всего лишь говорит, что у вселенной было «начало» (Быт. 1:1), когда бы оно ни было. Библия также нигде не называет общее число минувших поколений и не исключает возможность того, что какие-то поколения выпали из описания. Более того, некоторые пробелы вполне очевидны — например, в Матфея 1:8 говорится: «Иорам родил Озию», — хотя, как следует из 1 Паралипоменон 3:10-12, между Иорамом и Азарией (Озией) сменилось еще три поколения. Библия приводит верные родословия, но они необязательно полны.

Может быть не значит есть

В лучшем случае, существование планеты Kepler-452b доказывает лишь то, что какаято жизнь на ней возможна. Однако от этого два гигантских шага до утверждения, что на ней существует разумная жизнь. Во-первых, выводы ученых свидетельствуют, что жизнь возможна, но не доказывают, что она существует. Сухие листья огнеопасны, но для того, чтобы они загорелись, нужен источник огня. Во-вторых, от существования некоей примитивной жизни до существования разумной жизни — еще один шаг. Попытки объяснить этот гигантский разрыв с помощью натурали-

стической макроэволюции несостоятельны, поскольку эта теория, в свою очередь, опирается на бездоказательные утверждения: вопервых, что спонтанное зарождение жизни возможно (хотя Франческо Реди и Луи Пастер доказали, что это не так), и, во-вторых, что появление новых форм жизни возможно без разумного вмешательства (хотя это предположение не подтверждается никакими наблюдениями или экспериментами, основой любых научных выводов).

Иная жизнь? Мы не знаем

В понимании Швейцера, если в книге Бытия сказано, что Бог сотворил «всякую душу животных» (Быт. 1:21), это безусловно исключает возможность существования каких-либо форм жизни где-либо еще во вселенной. Однако это противоречит основному правилу толкования: любой текст следует понимать в свете контекста. Очевидно, что в 1-2 главах Бытия речь идет о сотворении жизни на земле, а не во вселенной.

Есть ли где-то еще во вселенной животная или человекообразная жизнь? Мы этого не знаем. Мы еще не видели никакого подтверждения этому.

Возможно ли, чтобы где-то во вселенной существовала физическая жизнь? Да, но мы не вправе выводить реальность из простой возможности. Повторюсь, сухие листья сами по себе не загораются. Между условием и причиной есть существенная разница.

Что, если где-то еще во вселенной существует разумная жизнь, похожая на человеческую? Слишком много «если». (1) Если во вселенной есть жизнь, и (2) если это разумна жизнь, и (3) если это падшая жизнь, тогда что? Тогда имеет смысл почитать рассуждения Клайва Льюиса в статье «Религия и космические ракеты» (http://narnianews.ru/modules.ph p?name=News&file=article&sid=463&mode=&order=0&thold=0). Если где-то есть падшие живые существа, тогда Бог, Который есть любовь (1 Ин. 4:16), любит их и даровал им искупление. Подробности подлежат дальнейшему богословскому осмыслению.

Хорошая весть для Бога

Между тем, здесь, на планете Земля, мы знаем две вещи. Во-первых, существование Kepler-452b — вовсе не «дурная весть для Бога». Если уж на то пошло, это хорошая весть для Бога. Иоганн Кеплер, в честь которого названа планета, искренне верил в Бога. Он хотел, чтобы «вера в сотворение мира укрепилась благодаря этому внешнему подтверждению, чтобы мысль о Творце читалась в природе мира, и чтобы Его неисчерпаемая мудрость день ото дня сияла все ярче» (Mysterium Comographicum).

Действительно, хотя Карл Саган говорил, что во вселенной слишком много «впустую потраченного пространства», если в ней нет разумной жизни, сегодня, после открытия «антропного принципа», астрономы знают, что вселенная была создана для жизни человека. Как говорит псалмопевец: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18:2). Даже великий философ-агностик Эммануил Кант признавался, что верит в Бога: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Конечно, открытие того, насколько безбрежна и многообразна вселенная,

не только не принижает желание Кеплера, но и является его осуществлением.

Во-вторых, единственным достоверным путешествием по вселенной было пришествие Логоса (Христа) в мир при воплощении (Ин. 1:14) и Его возвращение за пределы мира при вознесении (Деян. 1:9-10). Тем временем, здесь, на планете Земля, Он дал нам важное поручение: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам...» (Мф. 28:18-20). Когда мы, наконец, донесем Божью любовь до всех жителей нашей планеты, которые находятся в пределах нашей досягаемости, тогда если это когда-либо станет возможным — мы сможем донести эту любовь до любых наших космических двоюродных братьев, которые сейчас, возможно, для нас недосягаемы.

— Д-р Норман Гайслер

Сегодня я спорил с человеком о том, есть ли Бог, и потерпел неудачу. Мне кажется, что я сослужил христианству плохую службу

е опускайте руки! Неудача — это больно и стыдно, но в данном случае она может послужить вам стимулом отточить навыки. Дуглас Хайд, марксист, ставший впоследствии христианином, рассказывал, что прежде всего новообращенного марксиста отправляли на улицы доказывать прохожим преимущества коммунизма, прекрасно зная, что его ждет интеллектуальный разгром. Они понимали, что новообращенный нуждается в таком унижении, которое побудит его овладеть аргументацией и научиться дискутировать.

Всем нам знакомы ваши чувства. Помню как однажды, уже окончив Уитонский колледж, я попытался поделиться своей верой с университетским профессором и в результате был постыжен и разочарован своими знаниями (или их отсутствием). Я хотел встретиться с профессором еще раз, надеясь исправить ситуацию, однако он не проявил интереса! Важно извлечь урок из такого опыта. Задумайтесь о том, что вы сделали

не так, и предпримите конкретные шаги, чтобы в следующий раз лучше подготовиться.

Интересно, что, судя по вашему рассказу, ваш собеседник не выдвинул никаких возражений, на которые вы не могли бы ответить. Проблема не в том, что вы зашли в тупик и теперь нуждаетесь в ответах. Вы знаете ответы, вам просто нужны другие методы. Я бы посоветовал вам ознакомиться с книгой Грега Коукла «Тактика», чтобы научиться вести с неверующими диалог о христианской вере. Вы поступили правильно, позволив собеседнику выговориться, но допустили ошибку, позволив ему завладеть инициативой. Коукл пишет, что два простых вопроса: (1) «Что вы имеете в виду?» и (2) «Почему вы так думаете?» — помогут вам сохранить инициативу в разговоре и не позволить собеседнику сложить с себя бремя доказательства.

Когда в самом начале беседы он называет себя атеистом, важно в точности понять, что он имеет в виду. Он просто агностик или убежден, что Бога нет? В последнем случае, на чем основана столь радикальная позиция? Вы могли бы отметить, что доказать отсутствие Бога очень трудно, показав тем самым, что хотите услышать доводы против существования Бога. Если он ответит: «Нет никаких доказательств того, что Бог существует?» — у вас появится прекрасная возможность сказать: «Постойте, Вы ведь криминалист? Как криминалист Вы должны понимать, что отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия. Я бы хотел услышать, на каком основании Вы считаете, что Бога нет».

Если он скажет: «Абсолютная истина непознаваема», — будьте к этому готовы. Возьмите лист бумаги и запишите его слова, а потом покажите записанное собеседнику и спросите: «Это абсолютная истина?» Если нет, значит, это всего лишь его частное мнение? Если да, то откуда он это знает? Разве это утверждение не противоречит само себе? Будьте вежливы. Скажите: «Я правда пытаюсь понять, как Ваши слова могут не противоречить сами себе»

Если он скажет: «Не знать чего-то — нормально, и нам следует более спокойно относиться к неопределенности», — ответьте так: «Разве я говорил, будто наверняка знаю, что Бог есть? Я сказал всего лишь, что с учетом всех обстоятельств существование Бога более вероятно». Спросите, согласен ли он с такой постановкой вопроса. Если нет, то почему?

Вы должны быть готовы к тому, что он потребует аргументов в пользу существования Бога. У меня сложилось впечатление, что Вы не могли привести аргументы по памяти. Если вы заучите основные тезисы, то наверняка не потеряете нить рассуждений. Просто скажите: «Я могу привести по крайней мере пять доводов в пользу существования Бога!» И когда ваш собеседник спросит, какие, воспроизведите аргументы, которые вы заучили наизусть:

- 1. Бог лучшее объяснение того, почему что-то вообще существует.
- 2. Бог лучшее объяснение происхождения вселенной.
- 3. Бог лучшее объяснение приспособленности вселенной для существования разумной жизни.
- 4. Бог лучше объяснение существования объективных нравственных ценностей и обязанностей.

5. Сама возможность существования Бога указывает на то, что Бог существует.

Средний неверующий будет обескуражен этим списком. Если он захочет обсудить один из пунктов подробнее, воспроизведите по памяти тезисы, например:

- 1. Если Бога нет, нет и объективных нравственных ценностей и обязанностей.
- 2. Объективные нравственные ценности и обязанности существуют.
- 3. Значит, Бог есть.

Стоит даже записать эти тезисы на листе бумаги, чтобы они были у вашего собеседника перед глазами.

Если кто-нибудь в ответ на ваши доводы перейдет на личности — например, скажет: «Наверное, на Вашей совести много грехов, поэтому Вам и нужен Бог», — просто скажите с улыбкой: «Разве Вы не знаете, что аргумент ad hominem — логическая ошибка?» (Переход на личности показывает, что вы имеете дело с ехидным человеком, а потом можете позволить себе высказываться без обиняков.) «Если даже и так, это не имеет никакого отношения к здравости моих аргументов. Если Вы не согласны с моим выводом, это значит, что один из моих тезисов ошибочен. Какой именно тезис Вы считаете ошибочным и почему?» Если вы заучите эти фразы наизусть, то в нужный момент вам не придется лихорадочно подбирать слова.

Я предлагаю вам заучить эти ответы наизусть, но, пожалуйста, не поймите меня так, будто вам не следует стремиться к искреннему диалогу с неверующими. Напротив, эти приемы помогут вам направить беседу в плодотворное и интересное русло. Даже управляя ходом разговора, вы можете проявлять к собеседнику искреннюю любовь и заботу.

Итак, «сущность всего», говоря словами Павла, — «для всех сделаться всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:22). Конечно, ваши аргументы могут не убедить неверущего. Но вы сеете и поливаете в надежде, что когда-нибудь зерно прорастет и принесет плоды.

— Уильям Лэйн Крэйг

Руководитель проекта Павел Столяров Редактор Дмитрий Розет Почта: 191186, Россия, СПб., а/я 100 Веб-страница: www.apologetika.ru E-mail: Russia@apologetika.ru